

ГЕНИТИВ СУБЪЕКТА И НАРЕЧИЕ *ПОКА*: ПРАГМАТИКА СТРУКТУРЫ СОБЫТИЯ*

Е. В. Рахилина, О. Н. Ляшевская

1. Введение

Для русского языка до сих пор актуальна проблема описания конструкций с субъектным генитивом при отрицании — такого, которое бы давало возможность предсказать выбор между родительным и именительным в контекстах типа *фонарей не горело — фонари не горели*. Между тем, как известно, эта тема освещалась во множестве лингвистических работ, как дескриптивных (ср., например, [Ицкович 1983] или [РГ-80]), так и теоретических (ср., например, [Guiraud-Weber 1984] или [Апресян 1985]). Дескриптивный подход не дал убедительных результатов потому, что в этой зоне русской грамматики далеко не всегда действуют жесткие запреты: важно понять принципы, на которых основано правило выбора. На эту тему теоретиками выдвигались разные гипотезы. В целом все они, как пишет Ю. Д. Апресян [2006: 45], опирались на идею существования субъекта — в самом широком смысле: речь идет о том, что генитив выбирается говорящим тогда, когда описывается ситуация, которая в конечном счете может быть сведена к констатации существования субъекта. Однако подходы к такому цельному описанию делались разные.

Во-первых, были попытки встроить генитивную конструкцию в так называемую теорию *неаккузативности*, ср. [Perlmutter 1978; Levin, Rapoport Novav 1995]. Согласно этой теории, имеется два семантико-синтаксических класса непереходных глаголов: при одних подлежащее ведет себя как субъект переходного глагола (ср. глаголы со значением ‘прыгать’ или ‘дышать’), а при других — как объект переходного глагола (таковы, например, ‘лежать’ или ‘падать’); последние, а вслед за ними и теория данного противопоставле-

* Данная работа выполнена при поддержке фонда National Science Foundation (грант BCS-04-18-311, руководитель проекта Б. Парти) и фонда РФФИ (грант № 05-06-80396).

ния в целом, называются неаккузативными. Распространено мнение, что в русском языке распределение генитива и номинатива подлежащего отрицательных предложений связано с принадлежностью глагола к тому или другому классу и даже может служить своеобразной диагностикой неаккузативности (подробнее см., например, [Chvany 1975; Pesetsky 1982; Harves 2002]): подлежащее оформляется генитивом тогда, когда глагол неаккузативный (с пассивной, пациентной семантикой), и не оформляется (стоит в номинативе) при глаголах противоположного класса с агентивной семантикой (*яблоко больше не падало / на земле не валялось*, но: **лягушек не прыгало, *роз больше не дышало свежестью*).

Применительно к варьированию генитива и номинатива эта теория вызвала серьезные возражения ввиду того, что строгие ограничения на класс глагола, которые она постулировала, в соответствующих работах часто иллюстрировались очень искусственными примерами, тогда как в реальных русских текстах фактически не выдерживались (ср. знаменитый пример Л. Бэбби *Между бревнами не скрывалось тараканов* — с генитивом при глаголе не неаккузативного класса). Складывалось ощущение, что правило, регулирующее падеж подлежащего, оказывается в русском языке значительно более гибким и сильнее связанным с общим контекстом ситуации. В связи с этим один из первых критиков неаккузативности, Л. Бэбби, предложил альтернативный подход, согласно которому падежное варьирование в подлежащем определяется тема-рематической структурой соответствующего отрицательного предложения, см. [Babby 1980].

В некотором смысле в продолжение и в развитие его идей был предложен третий подход — его можно было бы условно назвать теорией прагматической структуры события; этот подход существует в двух, в некоторых отношениях достаточно близких, вариантах и изложен, соответственно, в работах [Падучева 1992; 1997; Борщев, Парти 2002; Borschev, Partee 2004; Partee, Borschev 2005] и др., — именно он интересует нас в данной работе. Суть его состоит в том, что выбор между родительным и именительным отражает разную точку зрения говорящего/наблюдателя на структуру описываемого им события: в случае, если выбран номинатив, центром события (или центром перспективы его описания) оказывается субъект, а в случае, если выбран генитив, перспектива смещена — например, в точку, в которой событие локализовано. В терминологии Е. В. Падучевой, в этом случае в структуре события имеется перцептивный компонент, отражающий наблюдателя, который воспринимает ситуацию.

Надо сказать, что каждая из трех теорий подвергалась критике и вызывала возражения — см., например, [Апресян 2006: 43—47].

В этом недавно написанном фрагменте Ю. Д. Апресян критикует одновременно как концепцию «бытийности», так и концепцию «перцептивности» — т. е. теорию прагматической структуры события в целом, — считая, что выбор падежа подлежащего при отрицании по большей части является словарной, а не грамматической информацией, и в этом, как сам признает, он опирается прежде всего на свое убеждение, что «рассчитывать на стопроцентно мотивированное семантическое правило в данном случае было бы нереалистично: русский язык чересчур лексикализован для этого» (с. 46).

В то же время, у Ю. Д. Апресяна есть и конкретные лексикологические замечания, которые представляют большой интерес с точки зрения любого подхода к этой проблеме. В частности, он обращает внимание на то, что разные глаголы одного и того же таксономического класса — в том числе перцептивные — могут вести себя по-разному. Так, глаголы зрительно наблюдаемого свойства [Апресян 1974/1995: 86, 98; Булыгина 1982/1997: 52] — *белеть*, *чернеть*, *голубеть* обычно генитивны, но, как отмечает Ю. Д. Апресян, глагол той же группы *краснеть* — склонен к генитивности в гораздо меньшей степени: *?Не краснеет маков в поле*.

Это наблюдение тем более интересно, что данное синтаксическое отклонение вовсе не случайно: не все из глаголов данного морфологического типа обязательно стативны — некоторые, и прежде всего как раз *краснеть* и *зеленеть*, обозначают процессы. В частности, последний, как показано в [Рахилина 2000: 181—182], употребляется практически только в значении ‘становиться зеленым’, а не ‘быть видным зеленым’, ср. *травка зеленеет*, но: **забор зеленеет*; то же, хотя, по-видимому, в несколько меньшей степени, относится и к глаголу *краснеть*, который прежде всего значит ‘спеть, поспевать’, так что сильная «конкуренция» с этим значением вне более широкого контекста часто подавляет его бытийное значение — хотя здесь, в отличие от *зеленеть*, утвердительные предложения типа: *краснеют шляпки подосиновиков* в принципе допустимы и в непроцессной, стативной интерпретации.

Не единообразно ведут себя по отношению к отрицательным контекстам и глаголы звукового восприятия; некоторые из них (*лязгать* или *скрежетать*) Ю. Д. Апресян предлагает считать исключениями из бытийно-перцептивного правила (с. 45). Между тем, как кажется, и эти «исключения» объяснимы. Дело в том, что под условия этого правила должны подпадать лишь те контексты, которые выражают, так сказать, «звучащее бытие», как в предложениях типа: *не гремело победных маршей* — марши существуют, только когда они гремят. Ср. сомнительное **не гремело кастрюль* — существование кастрюль не прямо связано со звуковым рядом. Еще в большей степени это относится к отмеченным Ю. Д. Апресяном *лязгать* и *скрежетать*: это глаголы, которые обозначают особые звуки, в чем-то отклоняющиеся от нормы и свойственные испорченным, деформированным объектам. Таким образом, природа их такова, что они не могут определять (обычное) существование предмета — и, естественно, они не склонны к генитивному подлежащему. То же верно, видимо, и для глаголов запаха (**рыбы не пахнет/*не воняет*) и особенно вкуса (**творога не горчит*), на которые указывает Ю. Д. Апресян: ни существование рыбы, ни тем более творога не связано с запахом или вкусом — и то, и другое (в отличие, например, от парусов, которые всегда видны при хорошей погоде — и белеют) может существовать, но не издавать запаха и не иметь (тем более неприятного) вкуса. Ср.

здесь более приемлемое *не благоухало роз* — потому что само существование этих цветов для говорящего — хотя и тоже не всегда обязательно, но все же гораздо теснее связано с приятным запахом. Аналогичное рассуждение можно применить и к **шубы не греет*, **кративы не жжется* и др. подобным.

Таким образом, как кажется, бытийно-перцептивное правило все-таки работает, но, будучи прагматическим (подробнее см. [Борщев, Парти 2002]), оно не соблюдает не только границы синтаксических глагольных классов (как считают сторонники теории неаккузативности), но и границы классов таксономических (поэтому говорить о гомогенном поведении перцептивных глаголов в этом ключе действительно было бы опрометчиво). Более того, как замечает Ю. Д. Апресян, «одна и та же глагольная лексема в разных условиях употребления может вести себя по-разному» (с. 46) — именно этот эффект мы наблюдали только что на примере глагола *зреть*. Но с нашей точки зрения, данное обстоятельство как раз и является главным препятствием для словарного описания распределения падежей подлежащего и, наоборот, служит дополнительным аргументом для поиска семантико-прагматических правил.

Вместе с тем теория прагматической структуры события в некотором смысле наиболее уязвима — она апеллирует к, как кажется, непроверяемым основаниям: месту наблюдателя или центру перспективы в структуре события. Для «экспертизы» этой идеи нужно было бы провести исследование таких языковых средств (например, лексем), которые, встречаясь в одной конструкции с субъектным генитивом, семантически взаимодействуют с ключевым для данной теории аспектом этой конструкции — в нашем случае нарушают заданную генитивом перспективу, выводят ситуацию из поля зрения наблюдателя — за счет того, что сами тоже предполагают некоторую свою собственную прагматическую структуру события.

Описание поведения такого рода языковых единиц позволило бы усилить (или ослабить) позиции авторов прагматической гипотезы. По нашему мнению, к таким единицам относится наречие *пока* — ниже мы опишем некоторые из его семантических свойств, определяющих непростые взаимоотношения этой лексемы с конструкцией субъектного генитива с отрицанием.

2. О некоторых особенностях семантики наречия *пока*

Презумпции и ожидания

По сравнению со своим квазисинонимом *еще* и антонимом *уже* наречие *пока* исследовано недостаточно: большее внимание лингвистов почему-то привлек союз *пока*¹, но не наречие, ср. пару: *пока я ем, я глух и нем* (союз) — *ты*

¹ Описанию свойств этого союза посвящено несколько работ А. Барентсена, прежде всего, его диссертация [Barentsen 1985].

пока ешь (наречие). Как кажется, последнее изучалось только как фон к *еще* [Труб 1997] и его собственная «индивидуальность» во многом осталась в тени.

Между тем круг употреблений наречия *пока* и в самом деле очень близок, ср. пары отрицательных предложений типа (1):

(1) *Сатурн пока не виден — Сатурн еще не виден,*

смысл которых кажется очень похожим. Действительно, в семантике этих предложений имеется существенный общий компонент: то, что в некоторый момент t_0 не происходит желаемое говорящим событие P (т. е. ‘Сатурн не виден’).

При этом для *еще* важно, что у говорящего заранее имелись ожидания: ‘в t_0 должно быть P (— но P не произошло)’: в нашем случае Сатурн должен был бы быть (уже) виден — но не виден. Для *пока* важны не предшествующие t_0 ожидания P , а ожидания последующей ситуации, которая наступит в скором времени t_1 и изменит не- P на P . Говорящий понимает, что состояние t_0 (когда имеет место не- P) — временное, оно является как бы прелюдией к P , которое возникнет в t_1 . Этот семантический компонент, касающийся t_1 , очень существен для *пока* и отсутствует в *еще*: ожидание t_1 возникает в контексте *еще* лишь в некоторых случаях, как прагматическое следствие.

Напротив, у *пока* нет свойственной *еще* «привязки к прошлому»: в его семантике отсутствуют ожидания, предшествующие t_0 , — хотя в отдельных, близких к *еще* употреблениях, такие ожидания могут возникать в качестве прагматической презумпции. Наша пара предложений может служить этому хорошей иллюстрацией: они осознаются носителями как близкие именно за счет того, что в прагматике каждого содержится «недостающая» семантика другого. Так, *Сатурн еще не виден* означает приблизительно следующее (прагматические компоненты даны в скобках):

‘В данный момент Сатурн должен был быть виден — он, тем не менее, не виден (следовательно, возможно, он будет виден позже)’.

Тогда как *Сатурн пока не виден* значит несколько другое:

‘В данный момент Сатурн не виден (хотя, может быть, и должен был бы), но это не так важно, это временно: скоро наступит момент, когда он станет виден’.

Контекст императива

Предложенная экспликация пары предложений в (1) дает общее представление об особенностях семантики *пока* и его отличии от *еще*. Более наглядно эти различия демонстрируют императивы — в особенности императивы с отрицанием, легко принимающие наречие *пока* (ср.: *не сти пока*) и не

допускающие *еще* (**не спи еще*). Надо сказать, что это различие легко объясняется исходя из наших семантических описаний. Действительно, *не спи пока* естественно интерпретируется как 'я хочу, чтобы ты не спал сейчас в t_0 , с тем чтобы скоро, в t_1 , ты уснул', а семантика презумпции, обязательной для *еще*, т. е. 'я ожидаю (= хочу), чтобы ты спал в t_0 ', входит в очевидный конфликт с семантикой императива 'я хочу, чтобы ты не спал в t_0 '.

Временные придаточные

Сильная презумпция в семантике *еще* оказывается своеобразным «якорем», который «привязывает» предложения с этим наречием к t_0 : все ожидания касаются этого момента, и всё главное происходит тогда же. Для *еще* t_0 может занимать любую позицию на оси времени: в прошлом, настоящем или будущем, и очень естественно эту позицию уточнять, соотнося с каким-то более значимым обстоятельством или общеизвестным фактом. Поэтому наречие *еще* так естественно рядом с придаточным времени, ср. (2):

(2) *Ты еще спал, когда наступил рассвет.*

У *пока* нет такого «якоря» — вся его семантика, как доказывает поведение этого наречия в императивных контекстах, ориентирована на скорое будущее по отношению к t_0 , поэтому для него в прототипическом случае t_0 совпадает с настоящим моментом и служит точкой отсчета для t_1 , которое задает время наступления центральной для *пока* ожидаемой ситуации. Понятно, что с наречием *пока* придаточные времени несовместимы:

(3) **Ты пока спишь/будешь спать, когда наступает/наступит рассвет,*
ср. также (4) в паре с *еще*:

(4) *Горбачев (еще/*пока) был в Крыму, когда развернулись эти события.*

3. *Пока* и конструкция с генитивом субъекта

Бытийные контексты с переменной позицией наблюдателя

Любопытно, что иногда семантическая специфика *пока* оказывает влияние на выбор интерпретации конструкций с генитивом субъекта при отрицании. Мы имеем в виду предложения существования типа (5):

(5) *Поезда не было.*

В отсутствие наречий оно имеет две интерпретации:

[1] собственно существования ('поезда не существовало')

и

[2] существования в поле зрения наблюдателя ('поезд не подошел').

В зависимости от типа именной группы одна из интерпретаций может быть более или менее естественной и даже полностью отсутствовать. Так, для (5), конечно, более естественно второе понимание, но другое предложение той же структуры, (6):

(6) *Куликовской битвы не было*

понимается только как обычное существование, потому что точка зрения наблюдателя в этом случае всегда остается неизменной ввиду неизменности места битвы. Если же взять предложение (7)

(7) *Крейсера «Варяг» не было,*

то (при том, что крейсер — такое же транспортное средство, как и поезд) первая интерпретация, связанная с существованием, более вероятна, чем вторая: ведь крейсер «Варяг» в большей степени исторический объект с постоянными параметрами локализации во времени, чем просто произвольный корабль.

С другой стороны, в контексте (на первый взгляд, немобильных) населенных пунктов более вероятной, наоборот, оказывается первая, «мобильная» интерпретация — правда, уже не за счет движения самого объекта, а за счет движения наблюдателя мимо него, ср.: *Можайска не было* — скорее в значении 'не проезжали'.

Так или иначе, в общем случае имеются две возможности интерпретации такого рода бытийных предложений. Обе эти возможности (если они есть у исходного предложения) сохраняются в контексте наречия *еще*, ср., например, (8):

(8) *Можайска еще не было (в X-м веке/когда я смотрел в окно электрички)*

— однако не в контексте *пока*. Семантика *пока* прекрасно сочетается с лабильной позицией наблюдателя и ситуацией перемещения: 'Можайска не проезжали, но скоро мы увидим его из окна', но не с простой констатацией существования. Поэтому если возможна только последняя, предложение в целом оказывается недопустимо, ср. (9):

(9) **Куликовской битвы пока не было.*

Для сравнения приведем совершенно правильный с точки зрения норм русского языка контекст (10) со значением существования для *еще* с временным придаточным:

(10) *Куликовской битвы еще/*пока не было, когда русские князья начали отказываться платить дань Орде.*

Такое ограничение в поведении *пока* предсказуемо: существование объекта предполагает определенное место и определенное время, раз и навсегда заданные, тогда как семантика *пока*, как мы видели, несет идею прелюдии и скорых изменений этого объекта.

Конкретно-референтный субъект в контексте *пока*

Сказанное обращает внимание на еще одно важное свойство семантики *пока*: если субъект единичный и конкретно-референтный, ожидания, связанные с событием в t_1 , касаются (в простом предложении, без придаточных) именно **данного** субъекта, а не (как в случае множественного или нереферентного X) просто субъекта того же типа. Это свойство тоже проявляется в номинативных и генитивных конструкциях с отрицанием. Действительно, в знакомом нам предложении *Сатурн пока не виден* (конкретно-референтный субъект) строится предположение, что именно Сатурн будет виден позже. Если мы заменим субъект на множественный и нереферентный, скажем: *Звезд почти не видно*, тождественность тех звезд, которые потом зажгутся, тем, которые сейчас не видны, была бы не так очевидна и не так важна: важно только то, что это будут тоже звезды.

Еще более показательны в этом отношении следующие примеры с глаголом *получиться*:

(11) *Доклад не получился — Доклада не получилось.*

Получиться — это глагол оценки результата креативной ситуации, т. е. того предмета (или события), который в результате такой ситуации создан и существует. Когда субъект стоит в **номинативе**, глагол оценивает как удачный или неудачный факт существования того предмета, который этот субъект называет, ср., например, в ситуации строительства песочного домика: *домик не получился* \approx ‘в результате некоторых действий имеется (создан) объект, и он, в качестве домика, неудачный’, другими словами: ‘создан плохой домик’. То же для абстрактного субъекта в номинативе, как в нашем примере со словом *доклад*: произошло событие — *доклад* (событие здесь было не спонтанным, а подготовленным, поэтому оно может выступать как креативный результат), и произошло неудачно.

Отрицательная **генитивная** конструкция с этим глаголом получает другую интерпретацию: ‘вместо того, что принято называть X , создано нечто другое (и хуже), чем X ’, ‘то, что создано, нельзя назвать X (оно «не дотягивает» по своим свойствам до того типа объектов, которые называют X)’. Как видим, данная интерпретация касается не факта существования объекта, а его номинации.

Почему семантика генитива так меняет интерпретацию данного предложения — это отдельный вопрос, на котором мы не можем сейчас останавливаться. Нам интересна в данном случае только возможность взаимодействия двух этих интерпретаций с наречием *пока*, которая подтвердила бы обозначенное выше свойство этого наречия. И вот что примечательно: в номинативные контексты, касающиеся существования, *пока* не встраивается, ср. неприемлемое: **доклад пока не получился*, а генитивные контексты, касающиеся номинации, прекрасно сочетаются с этим наречием: *доклада пока не получилось*.

Такое поведение *пока* вполне предсказуемо, если опираться на наши представления о его семантике: ‘Р не происходит сейчас, но это временно, и в ближайшем будущем Р произойдет’. Когда речь идет об интерпретации, связанной с номинацией, то встраивание в нее наречия *пока* дает приблизительно такой смысл: ‘то Р, которое произошло в данный момент, нельзя назвать докладом (и в этом смысле оно неудачно), но в скором времени будет Р₁, которое лучше Р и которое можно будет назвать докладом’. Легко видеть, что как номинация *доклад* не имеет конкретно-референтного статуса: к разным объектам или событиям можно применить одно название.

«Номинативная» же интерпретация не допускает *пока*, ввиду того что содержит идею существования референтного объекта: объект, который называется *докладом*, уже существует, пусть он и неудачен, так что теперь нельзя обещать (как это делает *пока*), что он же окажется удачным в будущем.

Как видим, анализ данного примера действительно подтверждает высказанную выше гипотезу: будучи употреблено с референтным X, *пока* всегда по умолчанию делает субъектом будущих ожиданий именно его.

Прагматическая структура события: *пока* и генитив с отрицанием

Теперь можно перейти к главному для нас утверждению о структуре значения *пока*: поскольку референтный X является средоточием ожиданий, заложенных в семантике этого наречия, именно он является прагматическим центром события — коль скоро мы рассматриваем это событие с точки зрения *пока*.

Если это утверждение верно, то у *пока* должны возникать трудности при встраивании в те конструкции, где в центр перспективы попадает другой участник ситуации. Это легко проверить: если принять точку зрения работы [Борщев, Парти 2002], именно так должны структурировать событие локативные конструкции с генитивом отрицания типа *Петя не было дома* — в отличие от номинативных локативных конструкций (*Петя не был дома*): центр перспективы при номинативном субъекте совпадает с самим субъектом, а при генитивном субъекте — с локативной группой.

Рассмотрим в качестве исходного примера предложение (12):

(12) *Япончика нет в Америке.*

Его центр перспективы находится в локативной группе, значит, предложение (12) описывает, так сказать, состояние Америки: оно таково, что там нет Япончика. Понятно, что данное предложение ничего не говорит о самом Япончике: для наблюдателя он, как участник ситуации, находится не в центре, а на периферии описываемого события.

Попробуем теперь вставить в это предложение наречие *пока*:

(13) *??Япончика пока нет в Америке.*

Звучит полученная в результате фраза странно: если пытаться придать ей смысл, нужно допустить, что вся Америка с нетерпением ждет, когда же придет такой важный гость, как Япончик. Это неожиданное и малопримемое осмысление возникает, как нам кажется, из явного конфликта двух разных структур, которые предполагаются для данной ситуации, — с одной стороны, наречием *пока*, а с другой — генитивом с отрицанием: наречие, как мы помним, ставит в центр субъекта ситуации, а генитивная конструкция — обстоятельство места.

Таким образом, конфликт интерпретаций возникает здесь не на семантическом, а на прагматическом уровне: если говорить о семантике в строгом смысле слова, то никакого противоречия между смыслом *пока* и значением генитивной конструкции нет, и мы только что разбирали в качестве примеров предложения, в которых *пока* и генитивная конструкция успешно сосуществуют. Тем не менее, употребление *пока* в этом контексте затруднено, практически запрещено. Причем данный запрет не касается нереперентных групп — в частности, вполне приемлемы оказываются предложения типа (14):

(14) *⟨В Америке живут венгры, китайцы, албанцы, монголы — вообще люди самых разных национальностей, но вот⟩ нанайцев в Америке пока нет.*

Приемлемость этого предложения объяснима: *пока*, как мы уже говорили, держит в центре внимания только конкретно-референтный субъект, так как именно к нему относятся все ожидания, и поэтому он становится центром перспективы.

Нашу аргументацию поддерживает и тот факт, что *пока*, в отличие от *еще*, недопустимо в частотной конструкции (15):

(15) *тебя (еще/*пока) не было на свете.*

Ср. здесь вполне возможный диалог (16), содержащий *пока* в той же конструкции, но без локативной составляющей:

- (16) — *Позовите, пожалуйста, Илью Андрейча.*
 — *Илья Андрейч? Его пока не было.* [≈ ‘до сих пор не было, но ожидаем, что зайдет в ближайшее время’].

Если локативной составляющей нет — *пока* возможно; как только локативная составляющая появляется, генитивная конструкция при отрицании «отказывается» сочетаться с *пока*.

4. Заключение

Собственно, что и требовалось доказать: конструкция генитивного субъекта под отрицанием прагматически структурирует описываемую ситуацию определенным образом — она выделяет центр перспективы, который попадает на локативную группу. Наречие *пока* устроено так, что само оно тоже прагматически структурирует ситуацию — причем иначе, чем генитив с отрицанием. Поэтому в одном и том же предложении могут оказаться два центра перспективы, и его интерпретация будет затруднена. Результаты взаимодействия *пока* с конструкцией генитивного субъекта под отрицанием предсказываются, если принять сторону защитников теории прагматической структуры события.

Литература

- Апресян 1974/1995 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974. 2-е изд.: Избранные труды. Т. 1. М., 1995
- Апресян 1985 — Ю. Д. Апресян. Синтаксические признаки лексем // *Russian Linguistics*. Vol. 9. № 2—3. 1985. P. 289—317.
- Апресян 2006 — Ю. Д. Апресян. Основания системной лексикографии // *Языковая картина мира и системная лексикография*. М., 2006. С. 33—160.
- Борщев, Парти 2002 — В. Б. Борщев, Б. Парти. О семантике бытийных предложений // *Семиотика и информатика*. Вып. 37. 2002. С. 59—77.
- Булыгина 1982/1997 — Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. *Языковая концептуализация мира (на мат-ле русской грамматики)*. М., 1997. С. 45—112.
- Ицкович 1983 — В. А. Ицкович. *Очерки синтаксической нормы*. М., 1983.
- Падучева 1992 — Е. В. Падучева. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола БЫТЬ // *Russian Linguistics*. Vol. 16. 1992. P. 53—63.
- Падучева 1997 — Е. В. Падучева. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // *Вопр. языкознания*. 1997. № 2. С. 111—116.
- Рахилина 2000 — Е. В. Рахилина. *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. М., 2000.
- РГ 1980 — *Русская грамматика*. М., 1980.

- Труб 1997 — *B. M. Труб*. О семантической интерпретации высказываний с частицами *еще, пока* и *уже* // Логический анализ языка: Язык и время. М., 1997. С. 218—228.
- Babby 1980 — *L. Babby*. Existential Sentences and Negation in Russian. Ann Arbor, 1980.
- Barentsen 1985 — *A. Barentsen*. «Tijd», «Aspect» en de conjunctie 'poka': over betekenis en gebruik van enkele vormen in het moderne Russisch. Amsterdam, 1985.
- Borschev, Partee 2004 — *V. Borschev, B. H. Partee*. The Russian genitive of negation: Theme-Rheme structure or perspective structure? // Journal of Slavic Linguistics. Vol. 10. № 1—2. 2002. P. 105—145.
- Chvany 1975 — *C. Chvany*. The Syntax of BE-sentences in Russian. Cambridge (Mass.), 1975.
- Guiraud-Weber 1984 — *M. Guiraud-Weber*. Les propositions sans nominatif en russe moderne. Paris, 1984.
- Harves 2002 — *S. Harves*. Unaccusative Syntax in Russian. Ph. D. Dissertation. Princeton Univ., 2002.
- Levin, Rappaport Hovav 1995 — *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. Unaccusativity. Cambridge (Mass.), 1995.
- Partee, Borschev 2005 — *B. H. Partee, V. Borschev*. The semantics of Russian Genitive of Negation: The nature and role of Perspectival Structure // Kazuha Watanabe, Robert B. Young (eds.). Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 14. Ithaca, N. Y., 2005. P. 212—234.
- Perlmutter 1978 — *D. Perlmutter*. Impersonal passives and the unaccusative hypothesis // Proceedings of the Fourth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley, 1978. P. 157—189.
- Pesetsky 1982 — *D. Pesetsky*. Paths and Categories. Ph. D. Dissertation. MIT, 1982.